

сборник
рассказов

ГОВОРИТЬ
НЕЛЬЗЯ
МОЛЧАТЬ

Павел Крапчинтов

Павел Крапчитов

Говорить нельзя молчать

<https://litres.ru/73729369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герои рассказов из этого сборника приехали в столицу из деревень, играли в самодеятельных ансамблях, работали грузчиками и продавцами в стекляшках с гордым названием «Соки-Воды».

Они верят в любовь, даже когда их предают, мечтают стать художниками, даже когда отец сжигает рисунки, и ищут золото Колчака, зная, что не найдут.

В этих рассказах нет громких событий — только жизнь, увиденная в щель между крышей и стеной, подсмотренная сквозь стекло магазинной витрины, услышанная в скрипе общежитских кроватей. Это проза о тех, кто остался за кадром официальной хроники, — и о том, как они продолжают жить, любить и верить, несмотря ни на что.

«Говорить нельзя молчать» — книга о людях, которые каждый раз выбирают: сдаться или остаться собой.

Содержание

Предисловие	4
Часть 1. Взросление и иллюзии	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Павел Крапчитов

Говорить нельзя молчать

Предисловие

Я долго думал, стоит ли писать предисловие. В конце концов, кто я такой, чтобы объяснять читателю, как понимать мои рассказы? Пусть они говорят сами за себя. Но одно мне хотелось бы сказать.

Эти истории — об одном мире. Мире, в котором я вырос. Мире, который уходит. Мои герои не делают великих открытий и не меняют ход истории. Они живут в общежитиях, на окраинах больших городов, в маленьких городках под Нижним. У них не всегда получается то, что они задумали. Но они не сдаются. Или сдаются, но потом находят в себе силы начать все сначала.

Название сборника — «Говорить нельзя молчать» — возникло не случайно. В нем — та самая запятая, которая висит над каждым из моих героев: сказать правду или промолчать? признать слабость или сделать вид, что все в порядке? остаться или уйти? В каждом рассказе кто-то делает выбор. И этот выбор меняет всё.

Сборник разделен на три части. Первая — о молодости, о первых шагах и первых разочарованиях. Вторая — о выборе,

который мы делаем, когда уже немного повзрослели. Третья — о том, что остается, когда молодость позади: память, любовь, одиночество и, надеюсь, мудрость.

Спасибо, что открыли эту книгу.

Часть 1. Взросление и иллюзии

В этой части еще пахнет деревней и общежитием, а будущее кажется бесконечным. Здесь режут косы, чтобы стать городскими, и верят, что любовь можно измерить стаканами сока. Это время, когда иллюзии еще не разбились, а только испытываются на прочность.

Как прекрасен этот мир

Пружины кровати под Галкой предательски закрипели. Она с опаской покосилась на спящих соседок. Но те уже крепко спали и против скрипения пружин ничего не возражали. А поскрипеть Галке понадобилось, чтобы вытянуть из-под байкового одеяла руку, чуть подправить ночник и еще раз прочитать письмо из дома. Ночник светил слабо. Лампочка всего лишь на 20 свечей. Но на то и ночник. Предметы бы в темноте рассмотреть, а не письма читать.

Письмо Галка забрала с вахты вечером, когда пришла с работы в родное общежитие. Хотела сразу прочесть, но надо было сходить в душ, пока народ после работы не набежал. Потом — готовка ужина, она была дежурной по комнате. За едой соседки отвлекли разговорами. А еще надо было погла-

дить блузку на завтра и приготовить обед на работу. Эта еда, хотя и она, и ее соседки по комнате — Танька и Ирка — готовили каждая самостоятельно, разнообразием не отличалась. Вареная картошка в мундире, хлеб и сало, еще осенью привезенное из дома, порезанное ломтями.

Вот и получилось, что про письмо вспомнила только когда легла в постель. Соседки против ночника не возражали. Но когда Галка начинала ворочаться, а пружины под ней скрипеть, соседки начинали ворчать. Галка их понимала. Вставать приходилось рано, чтобы успеть добраться до трамвайного депо, где они все трое работали. Танька — в бухгалтерии, Ирка — в бригаде дорожных рабочих, и только одна Галка водила трамвай.

С пружинами Галка давно научилась обращаться. Лежи неподвижно — и они скрипеть не будут. И соответственно не будут ворчать соседки. И вот, что обидно, за соседней стенкой всюю скрипит кровать, да и другие звуки слышны, но на них ни Танька, ни Ирка никак не реагируют. Но стоило Галке нарушить свою неподвижность и тем самым вызвать скрип пружин, как обе соседки, чуть ли не хором, рывкали:

— Галка, спи уже! Завтра вставать рано!

Но сейчас подруги уже крепко спали, и можно было немного пошуметь. Девушка еще слегка пригнула к себе абажур ночника, чтобы лучше видеть написанное ее матерью.

«Милая моя доченька, — писала мать. — Пишет тебе твоя мать, Алевтина Егоровна Лихоманкина. Спешу тебе сооб-

щить, что у нас все хорошо. У отца твоего, Прохора Ивановича, вышла грыжа. Он ездил в Сухаревку и оформил инвалидность. Теперь, как обещал врач, ему будут платить пенсию. Это будет нам хорошим подспорьем. Но работать твой родитель продолжает. Наш председатель перевел его в конюхи. Обещал не нагружать тяжелой работой. А Прошка...»

Это слово было зачеркнуто. Галка вспомнила, что когда мать сердилась или, наоборот, чувствовала некую теплоту к мужу, то всегда называла его Прошкой. Рядом с зачеркнутым словом «Прошка» было написано по-другому, формально: «Прохор Иванович». Видимо, ее мать при написании письма увлеклась и выбрала то имя, которое использовала бы в жизни, а потом исправилась. Но использование простого, короткого именованья отца так пахнуло на Галку чем-то родным, но таким далеким, что на глазах навернулись слезы. А еще эти киносъёмки... Теперь хоть домой в отпуск не ездят. Кто мог подумать, что все так получится? Галина вздохнула и продолжила чтение письма.

«Прохор Иванович так приспособился, что если грыжа выскакивает, то запихивает ее обратно. А если ногу потом бинтом перехватить, то и сено может вилами таскать нашей корове, и навоз за ней убирать.

Алька, твоя младшая сестра, стоит рядом и ругается, что надо писать про другое. Это правильно, потому что в нашей деревне такого никогда еще не было. Ты же знаешь, что рядом с нашим домом стоит клуб. В прошлое воскресенье

приезжала кинобудка, так как пришла очередь нашего колхоза. Привезли какой-то индийский фильм, а перед ним показывали киножурнал. Сама-то я не обратила бы внимания. Стыдно признаться, что задремала. Тепло в клубе, киношная техника сзади стрекочет, вот меня и потянуло в сон. Да и другие бы тоже не заметили. Семечки лузгали и индийский фильм ждали. Но председатель, Александр Палыч, заметил. На то он и председатель, чтобы все видеть и замечать. Как вскочит со стула, как закричит:

— Колька, стопори свой агрегат! Крути обратно!

Все перепугались. Думали пожар, но оказалось, что Александр Палыч тебя в кино увидел.

Алька снова ругается. Говорит, что не в кино, а в киножурнале. Но я это исправлять не буду, а не то так до ночи буду писать.

В общем, запустил Колька-киномеханик свою технику по новой. В этот раз все смотрели внимательно. Я тоже проснулась. Было интересно, что там наш председатель увидел.

Стыдно признаться, но я сначала тебя, доченька, не узнала. Ты такая красивая стала, нарядная, прическа новая...»

Прочитав эти строчки, Галка покраснела. Когда все это произошло, ей было очень обидно. Соседки по комнате тогда ее успокаивали:

— Не думай ты об этом, — говорили они. — Денег тебе заплатили? Заплатили. Купи чего-нибудь вкусенького или в парикмахерскую сходи. Пусть тебе прическу поправят.

Прическу действительно надо было поправить. Галка пообещала себе, что на выходных займется этим. Когда в депо сказали, что приедут киношники, будут снимать фильм про их депо и ее в трамвае, то она поступила радикально — отрезала косу и попыталась сделать себе короткую современную прическу. Получилось не очень. Если смотреть прямо в зеркало, то все казалось нормально, но соседки сказали, что с боков концы разные. Тогда Галка успокаивала себя, что снимать ее будут издалека и только с одного бока.

Девушка провела рукой по своим, теперь коротким, волосам. Пружины под ней снова скрипнули, но Таньке и Ирке было все равно. Обе тихо посапывали. То, какая получилась прическа, Галке нравилось. Хотя косу было жалко. Словно распрощалась со своим детством. Но зато теперь из зеркала на нее смотрела настоящая городская жительница, а с форменным беретом на голове — и вообще, полная красота.

Готовясь к съемке, Галка вычистила щеткой синюю куртку и такого же цвета штаны, что были форменной одеждой вагоновожатых. Иногда на маршруте приходилось покидать водительскую кабину трамвая, там, где была большая разводка путей, и специальным стержнем-кочергой расчищать переходы рельс. Да и многое другое приходилось выполнять Галке по работе, что в юбке особо не поделаешь.

Но соседки по комнате на нее зашикали.

— Ты что! Ты же в кино будешь сниматься! — закричали они хором. — Снимай сейчас же свои штаны.

Танька достала свою синюю юбку.

— На! — сказала она. — Но только, чтобы после съемок сразу сняла!

Юбка была чуть выше Галкиных колен, и в ней будущая кинозвезда трамвайного депо смотрелась отлично.

— Ну почему про бухгалтерию кино не снимают? — вздохнула Танька, а потом и она, и Ирка с Галкой засмеялись.

В общем, весь наряд: синий берет, синяя форменная куртка, синяя Танькина юбка и родные черные ботиночки — смотрелся хорошо. Соседки наряд одобрили.

Галка вздохнула и продолжила читать письмо.

«Киножурнал смотрели три раза, а потом еще три. Твоя подружка, Лидка Самохина, кричала, что это не ты. Что ты не можешь быть такой красивой.

Алька опять меня ругает, что не надо было этого писать, но я хочу все объяснить тебе, как было. А что Лидка ругалась, то ты на нее не обижайся. Вы с ней одногодки, только она-то коровам хвосты крутит, а ты в столице на трамвае разъезжаешь. Ее даже немного жалко.

Но Лидку быстро заткнули. Александр Палыч, перед тем как кино стали третий раз крутить, сказал всем внимательно слушать. Все и стали слушать. Председатель у нас строгий, ему никто возразить не смеет. Слушали и услышали. В кино диктор сказал, что, мол, легко справляется со сложной работой водителя трамвая Галина Лихоманкина, комс-

орг трамвайного депо номер четыре. Каждый день она выходит на маршрут вовремя и доставляет наших граждан на работу и с работы, чем вносит свой вклад в построение общего светлого будущего.

Это Алька меня заставила так написать. Я-то ничего не запомнила, что там бубнили. Только смотрела на тебя, какая ты, доченька, стала красивая, и даже всплакнула. Но ты не подумай ничего плохого, это от радости.

Как все услышали, что сказал диктор, то все споры, ты или не ты, прекратились. После этого смотрели этот киножурнал еще три раза, а потом чуть не случился скандал и драка.

Лидка Самохина после третьего просмотра, когда включили свет, заявила, что завтра собирается ехать в Сухаревку, а потом в область, где у нас дальние поезда останавливаются, а оттуда прямо в столицу. И еще нагло потребовала у Александра Палыча выписать ей паспорт.

— Шишь тебе, а не паспорт, — сказал председатель. — Если все в город рванут, то кто в деревне работать будет?

Он думал, что все засмеются, но почему-то никто не смеялся.

И вот тут чуть не случилась драка. Санька, тот, что за тобой бегал в школе, вдруг схватил председателя за грудки и как закричит:

— Ты меня своей бумажкой не удержишь! Сяду на трактор и без твоей бумажки уеду!

И тут, наверное, Александр Палыч испугался. Санька хоть

и молодой, и дурак, но механизатор справный и нашему колхозу без него никак.

— Езжай, езжай, — сказал председатель. — Приедешь к занятому месту. Ты что думаешь, она прямо там тебя ждет? У нее, такой красивой, городской хахаль имеется.

Саньке, как видно, такие слова не понравились, но председателя он отпустил, плюнул, ирод, прямо на пол в клубе и ушел, хлопнув дверью. А председатель приказал закрывать собрание.

— Все! — крикнул он Кольке-киношнику. — Сворачивай свою шарманку, пока клуб не спалили. Расходимся.

Ну, все и разошлись.

А ты, доченька, на Саньку не смотри. Если у тебя кто на примете в городе есть, не теряйся. Пусть ты деревенская, но вон, какая красавица стала».

Галка опустила руки с письмом на одеяло и посмотрела в темноту. За стеной успокоились, их кровать уже не скрипела.

«Что же делать?» — подумала она.

В день съемок мастер, Федор Игнатич, приказал ей выгнать трамвай на объездные пути, что располагались вокруг депо. Да не старый трамвай, а новый, тот, что прислали из далекой Чехословакии. Новенькие машины пока стояли неподвижно в депо. Их собирались отправить на маршруты к Первомаю. Но обучение на них Галка и другие водители трамваев прошли.

Девушка, ничего не подозревая, вывела трамвай на объездные пути. Там уже стояли киношники. Мужчины и женщины. Высились большущие лампы с громадными белыми абажурами, а какой-то мужчина в берете, почти таком же, как у нее, водил по сторонам кинокамерой на треноге.

Галка остановила трамвай. В него зашел сам директор депо, Станислав Сергеевич.

— Ну-ка, освободи место, Галина, — сказал он.

Девушка подчинилась.

На ее водительское место села настоящая красавица: высокая, кожа лица белая-белая, чудная прическа, в ушах зеленые сережки, носик маленький и большие-большие глаза. На ней было светлое платье, облегающее ее стройную фигуру.

— Покажи актрисе, что тут и как, — сказал директор, но его, совершенно не стесняясь, прервал другой мужчина. Он был в очках, кожаной куртке и новомодных джинсах.

— Ничего не надо показывать, — сказал он. — Виолетточка, положи руки — вот сюда и просто смотри вперед.

— А можно я улыбнусь? — спросила красавица.

— Покажи, — сказал мужчина в очках.

Актриса улыбнулась. Галке очень хотелось подумать что-нибудь плохое про эту Виолетту, но у той получилась такая чудесная улыбка, что девушка ею залюбовалась.

— Слишком сильно, — не одобрил улыбку очкарик. — Сбавь градус.

Красавица поморгала глазами, несколько раз скривила гу-

бы, а потом улыбнулась снова.

«Чудо», — подумала Галка.

Если раньше улыбку актрисы можно было сравнить с солнцем, то теперь остался только один лучик. Но от этого она хуже не стала.

«Какая же она хорошая!» — подумала Галка.

— Отлично, — сказал мужчина в очках, который, наверное, был режиссером. — Так и будем снимать. Посторонним покинуть площадку! — режиссер выразительно посмотрел на директора депо и Галку.

«Неизвестно еще, кто здесь посторонний!» — хотела сказать Галка, но увидела, как директор безропотно пошел на выход из трамвая. Пришлось и ей последовать за ним.

Все съемки Галка простояла, как во сне. Удивительно, что новый трамвай так и остался неподвижным. Зато мимо него по смешным маленьким рельсам ездила кинокамера вместе с оператором.

«Неужели во все это поверят? — думала Галка. — Как же так получилось? Зачем же я отрезала косу? Зачем юбку Танькину нацепила?»

Когда съемки закончились, к ней подошла актриса, та, что заняла ее место в трамвае.

— Не обижайся, — сказала она.

Актриса курила сигарету и уже не казалась такой красивой.

— У каждого своя работа, — сказала «уже не красавица».

— Ты делаешь свою, я — свою.

Галка кивнула. На эти слова ей возразить было нечего.

— Вот возьми, — актриса протянула ей две какие-то открытки. — Это пригласительные билеты. В «Художественный». Там премьера послезавтра будет.

Галка посмотрела на билеты. Премьера? И в чем она туда пойдет? Опять юбку у Таньки просить?

— Спасибо. Не надо, — сказала она.

— Ну как знаешь, — не стала уговаривать актриса и пошла к своим киношникам.

А девушка зашла в раздевалку и сменила юбку на форменные штаны. Переживания переживаниями, а чужую вещь портить не стоило.

Потом она выехала на маршрут. Как там сказала эта актриса? У тебя своя работа, а у меня своя. Так и проработала Галка всю свою смену. И почти успокоилась.

В конце рабочего дня, в депо она столкнулась с директором.

— Станислав Сергеевич, почему так получилось? — неожиданно для себя спросила Галка директора.

Тот хотел просто отмахнуться, но потом, видимо, передумал.

— Галина, — начал он. — Этот фильм про наше депо. Не про тебя, а про депо, понимаешь. И мы все хотим, и я думаю, что и ты этого хочешь, чтобы все выглядело красиво. Это кино будут крутить по всему Союзу. Надо, чтобы все

было на «отлично». Не на «хорошо», Галина, а на «отлично». Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула девушка. — Если депо... то, конечно... Понимаю.

— А за деньги не переживай, — обрадовал ее директор. — За съемки получишь все сполна. Все, бывай. Мне некогда. Директор убежал. Тогда Галина не обратила внимания на слова Станислава Сергеевича про весь Союз. А вон оно как вышло! И в ее далекой деревне посмотрели фильм про столичное трамвайное депо номер четыре.

«Что же делать? — думала Галина. — Надо стать такой же, как та актриса! Пойду учиться. В театральное меня, конечно, не возьмут, но в МИИТ [1] — могут. Директор депо говорил, что для работников депо там есть льготы».

«Приеду в отпуск в деревню инженером, — уже засыпая, думала Галка. — Тогда про это кино никто и не вспомнит».

Галина спала, а не выключенный ночник продолжал освещать ее лицо. Оно было спокойным, а на губах была улыбка.

[1] — *Московский институт инженеров транспорта (старое название).*

Соки-Воды

— Света, — сказала Лариса Евгеньевна. — Принеси из подсобки еще два баллона с томатным соком. День будет

жарким, а томатный больше всего пьют.

У Ларисы Евгеньевны, директора магазина «Соки-Воды», было много странных словечек. Баллонами она называла трехлитровые банки, а перевернутые конусы с краником внизу, из которых покупателям наливался сок, — тубусами.

— Хорошо, — ответила Света, но никуда не двинулась. До открытия магазина надо было залить в пустые тубусы сок: виноградный — в левый, томатный — в правый. Но делать ничего не хотелось. Такое было первый раз в ее совсем еще недлинной жизни.

В магазин «Соки-Воды» Света попала по знакомству. Лариса Евгеньевна была родственницей дачников, которые несколько лет снимали комнату у родителей Светы в уединенной подмосковной деревне. Когда Света закончила школу, ее мать попросила дачников поспособствовать с трудоустройством дочери, и те помогли. Семья Светы нуждалась в деньгах. Ее отец уже несколько лет страдал от неизвестной болезни, и толку с него было мало. Старший брат ушел в армию, но через два года вместо него самого пришло письмо, которое мать прочла про себя и спрятала от Светы подальше. Сама мать разрывалась между работой в колхозе и личным хозяйством. В колхозе за работу начисляли трудовни, а налоги приходилось платить деньгами. Выручали дачники, которые каждое лето набивались в их деревенский дом. При этом сами Света с матерью ютились в небольшом чулане без окон, а отец лежал на полотах.

Работа Светы в городе была большим подспорьем для семьи. Получив зарплату, девушка в выходные добиралась до своего отчего дома и отдавала заработанное матери. Та охала, обнимала дочь, и в ее глазах были облегчение и радость.

Для девушки новая работа казалась чудом. Вместо тяжелой крестьянской работы — просвечиваемая со всех сторон стекляшка магазина «Соки-Воды». Настоящий волшебный кристалл из чудесной сказки. А всей работы-то: заливать сок в тубусы да правильно считать деньги и сдачу. Но по математике у Светы была пятерка, и с этим проблем не было.

Приехав в город, девушка, как и положено в начале новой жизни, совершила решительный шаг: отрезала косу и сделала короткую прическу.

— Молодец, — похвалила ее Лариса Евгеньевна. — Тут кругом стройки и два мужских общежития. Года не пройдет, как выскочишь замуж. Помяни мое слово.

Но замуж Света не собиралась. Ей надо было помогать семье. Хотя сказанное Ларисой Евгеньевной разожгло внутри девушки чувства и мысли, которые она раньше к себе и близко не подпускала.

В их стекляшку действительно заходило много молодых мужчин. Их взгляды немного пугали Свету, но все они были доброжелательными, называли ее красавицей и, выпив сока, уходили. Страсть приходивших в их магазин мужчин к соку раскрыла Лариса Евгеньевна.

— Ага, — ехидно сказала она. — Жажда их замучила,

жди. За углом чекушку раздавили, а к нам заявились запить водочку.

Среди проходящих мужчин выделялся молодой рабочий. Он всегда был в черном комбинезоне, подпоясанном широким брезентовым ремнем. На голове была светлая кепка, из-под которой выбивались не менее светлые кудри, а на плечах у него всегда почему-то была толстая железная цепь.

— Налей мне, красавица, томатного, — обычно просил этот рабочий. — И соли не пожалей.

— Соль сами кладите, — стараясь не выдавать своего волнения, отвечала Света, показывая на граненый стакан с солью и чайной ложкой внутри.

— А что это у него за цепь? — спросила девушка свою начальницу, когда любитель томатного сока с солью ушел.

— Монтажник, — ответила Лариса Евгеньевна. — Слышала песню «А мы монтажники-высотники...»

Пользуясь отсутствием посетителей, начальница пропела весь куплет. Голос у Ларисы Евгеньевны оказался приятным и сильным. Такой же силой гудел рельс, который висел у колодца в их деревне. По нему предполагалось бить в случае пожара.

— У вас красивый голос, — сказала Света.

— Эх, Светик, — ответила директриса. — Если бы...

Что «если бы», Света так и не узнала. «Война, наверное», — подумала она.

Молодой монтажник-высотник заходил часто. А одна-

жды, выпив сока, молодой человек привалился локтями на прилавок и сказал:

— А меня зовут Костя, а тебя, красавица?

— Света, — не ожидав подобного вопроса, машинально ответила девушка.

Теперь, когда Костя приходил в стекляшку, их разговор не ограничивался словами «дайте сока» или «дайте соли». Постепенно Света узнала, что Костя тоже из подмосковной деревни, но только не с севера, а с юга. Что он закончил восьмилетку и скоро пойдет в армию.

— Ну что? — наблюдая их разговоры, как-то спросила Лариса Евгеньевна. — Жизнь налаживается?

— Только зря все это, — добавила она. — Он уйдет в армию, а ты его вряд ли дождешься. Да и не вернется он сюда. Поедет куда-нибудь деньгу зарабатывать.

— Какую еще деньгу? — удивилась Света. Работа в Москве ей казалась пределом мечтаний.

— Большую деньгу, девочка, — ответила ей начальница. — Большую...

Общение с Костей неожиданно вышло за пределы стекляшки. Как-то после работы Света возвращалась на съемную квартиру, где делила комнату еще с тремя такими же деревенскими девушками. Она уже подходила к своему дому, когда к ней пристали два парня. До рук дело не дошло, но один из них стал перед Светой, загородив дорогу. От парня разило спиртным.

— А ну-ка, здригнули отсюда, — послышался знакомый голос.

— Костян, ты че? — сказал один из пьяных парней.

— Это моя девушка, — сказал Костя.

— А, ну ладно, — и хулиганы исчезли.

— Вообще-то они не плохие, — сказал Костя. — Я с ними в одной общаге живу. Только вот, когда выпьют...

Так удачно встретившийся ей монтажник-высотник проводил ее до дома. В тот раз Света узнала, что она его девушка.

А однажды Костя пришел и сказал, что его забирают в армию. Он был весел и выглядел довольным.

— В десант пойду, — сказал он и тут же без перехода: — Приходи на провода.

Света растерянно посмотрела на стоящую недалеко Ларису Евгеньевну, но та только пожала плечами.

— Хорошо. Я приду, — согласилась Света.

Что такое провода в армию, она представляла. В ее родной деревне провода случались и не одни. Мать всегда уводила ее с таких мероприятий до того, как, по выражению матери, мужики хватятся лишнего.

Общежитие, в котором жил Костя, девушка нашла быстро.

— Куда? — злобно спросила вахтерша на входе.

— На провода, — растерялась Света.

— А, — подобрела женщина. — Прямо, налево, а потом снова прямо.

Света прошла, как сказали, и оказалась в большой комнате с красным уголком и портретом Ленина над ним. На полках красного уголка были разложены толстые книжки в коричневом переплете. Кроме Светы в комнате было еще много людей: парни, девушки.

— Напутствие читают, — сказал один из парней Свете и кивнул головой в сторону закрытой двери, на которой висела табличка «Комендант».

В этот момент дверь открылась, из нее вышло несколько серьезных людей в костюмах, сбоку которых семенил невысокий пожилой человек.

«Комендант, наверное», — подумала Света.

— Не сомневайтесь, — говорил он серьезным людям. — Не допущу.

Когда комендант и серьезные люди вышли из комнаты, все как-то сразу зашумели. Откуда-то появились столы, длинные скамейки, а на столе — нехитрая еда и много бутылок. Костя и еще несколько парней сидели во главе стола. Костя заметил Свету и подмигнул ей. От этого стало радостно на душе.

Вернувшийся комендант сказал тост. Выпили за незнакомого Свете Пашу, потом за знакомого Костю, потом за остальных парней. Всего уходящих в армию было пятеро.

Потом появился патефон, заиграла красивая музыка. Све-

та набралась храбрости и решила подойти к Косте. Не для чего-то особенного, а просто пожелать ему успешной службы. Но ее опередила другая девица, которая буквально повисла на шее Кости. Девица была в ярком, красивом платье. Светины темная юбка, белая блузка и серая вязаная кофточка с длинными рукавами на фоне этого платья смотрелись жалко.

«Вот же..., какая!» — подумала Света. Матерные слова она знала, но старалась использовать редко.

Ушел комендант. Несколько ламп в люстре под потолком выкрутили. Парни все чаще выбегали из комнаты и возвращались довольные. Танцующие стали прижиматься сильнее друг к другу. Вокруг Кости крутилось сразу несколько девиц. Это отбивало желание подходить к нему и что-либо говорить.

«Пора уходить», — подумала Света.

Она вышла из комнаты с красным уголком, но свернула не туда, пришлось возвращаться. Навстречу ей попался Костя. У него было бледное лицо, а его самого поддерживал другой парень.

— Извини, — сказал Костя, когда увидел Свету. Его язык сильно заплетался. — Но ты меня тоже жди.

Парень, поддерживающий Костю, заржал и потащил его куда-то по коридору.

Сама не своя, девушка добралась до выхода.

— Не расстраивайся, девонька, — узнав Свету, сказала

вахтерша. — Всего два года. Пролетят быстро.

Дома Света всю ночь проворочалась на кровати, вызывая скрежет старых пружин и недовольное ворчание соседок. На работу она пришла раньше обычного. Пришлось ждать Ларису Евгеньевну. Теперь она стояла за прилавком, а в голове, то ли от бессонной ночи, то ли от расстройства, вызванного вчерашними проводами, была совершеннейшая пустота.

— Не забудь, — повторила ей начальница. — Еще два с томатным соком.

— Да-да, — сказала Света. — Всего два. Всего два года.

Под дождем

— Черчилль, — сказал я. — Одолжи велик.

Просьба была рискованной, несмотря на то, что с Черчиллем мы вместе учились и жили в одной комнате в общежитии. Велосипед был, наверное, единственной ценностью моего товарища. Бывает, западет какая-нибудь безделушка тебе на сердце: крошечная фарфоровая статуэтка или даже просто случайно найденная медная гайка — и ты вечно носишь ее в кармане или крутишь в руках. Вот такой безделушкой для Черчилля был велосипед. Хранил он его в нашей комнате. Для этого отодвинул свою кровать от стены и в образовавшийся зазор поставил свою двухколесную машину. Это был настоящий, полугоночный велосипед с много-

численными звездочками для переключения передач.

С Черчиллем я жил уже три года, и все эти годы велосипед так и простоял, прижатый к стенке кровати. В том полупьяном состоянии, в котором постоянно пребывал мой сосед, катание на велосипеде было рискованным занятием. Вот он и не рисковал. Но близкие отношения с велосипедом у него были. Когда Черчилль спал на боку, лицом к стенке, то иногда забрасывал свою руку на раму велосипеда. А иногда и ногу, которая как раз попадала на багажник.

Получалось, что я прошу его дать попользоваться очень близкой для него вещью. Но выхода у меня не было.

— С Женькой поедешь? — спросил Черчилль.

— Да, — ответил я.

— Хорошая девушка, — продолжил мой сосед. — Но мне бы не подошла. С такой не побухаешь.

Бухать для Черчилля было важным.

— Я из потомственной династии алкоголиков, — представился он в свое время, когда они и еще их третий сосед Колька заселились в комнату в общежитии.

Напрасно я объяснял Черчиллю, что такого понятия, как потомственная династия, не может быть. Слово династия уже и так содержит в себе смысл о наследовании. Может быть рабочая династия. Если хотите, может быть алкогольная династия, но потомственной династии быть не может. Слаб был в гуманитарных науках Черчилль. Зато технические давались ему легко. Словно все эти термехи, сопроматы и начер-

тательные геометрии были давно заложены ему в голову каким-то могущественным волшебником. Этому уникаму даже пребывание в постоянном полупьяном состоянии не мешало сдавать все экзамены на пятерки.

— Ты бы не пил, Серов, — как-то сказала ему старенькая преподавательница по высшей математике, когда ставила пятерку в зачетку.

— Я и не пил сегодня, Елена Арнольдовна, — слегка заплетающимся языком ответил Черчилль. — Всего только бутылку портвейна.

— Эх, — только и сказала тогда математичка.

И все же у меня была надежда получить велосипед от Черчилля. Ведь именно я дал своему соседу его прозвище.

— Ну ты, как Черчилль! — восхитился я, когда первые дни совместного проживания в общежитии показали, что мой сосед трезветь не собирается.

— А че сразу «Черчилль»? — возмутился Серов.

— Тот тоже все время бухал, курил и спортом не занимался.

Мой сосед задумался на полминуты.

— Да? — уточнил он. — Уважаю.

Так Серов стал Черчиллем, чем, очевидно, гордился, а его полупьяное состояние получило мифическую поддержку.

Такое участие в судьбе моего товарища, наверное, и сыграло мне на руку.

— Бери, — сказал он и неожиданно легко соскочил с кро-

вати. — Но будешь должен.

Долга я не опасался. Получу стипендию — отдарюсь пивом.

Черчилль принял активное участие в моей подготовке к поездке. Помог подкачать камеры на велосипеде. Потом куда-то сбегал, принес масленку с машинным маслом и долго тыкал ее острым носиком в разные соединения своей чудо-машины. Но в конце концов он отпустил меня, только разве что не перекрестил на дорогу.

С Женькой мы договорились встретиться на Кропоткинской, от которой она недалеко жила. До пункта назначения я было собрался ехать на велосипеде, но вовремя одумался: от Речного до центра — не ближний свет. Спустился в метро. Вахтерши покосились на мой транспорт, но ничего не сказали. Пока ехал, думал о Женьке. О том, как я все же решился?

С Женькой, как и с Черчиллем, я учился в одной группе в институте. Она меня сразу поразила своей открытостью. Подойдешь сказать «привет», а она смотрит на тебя своими большими глазами, словно ждет продолжения: мол, давай, говори дальше, рассказывай, что у тебя на душе, что тебя беспокоит. И сама готова, в свою очередь, поделиться сокровенным. Ответить на такую открытость у меня было нечем. Сталкиваясь с этой девушкой по учебе, я всегда отводил взгляд, шел дальше по своим делам и чувствовал, как Женька с обидой смотрит вслед. «Я тебе готова была открыться, а ты сбежал».

«Ну ты и напридумывал», — говорил я обычно сам себе после таких мыслей.

Открытость Женьки не только отпугивала, но и притягивала. Словно я давным-давно был знаком с этой девушкой. Потому что, когда я думал о ней, что-то приятное и родное появлялось у меня в душе. Не могло же это чувство возникнуть просто так! Может быть, мы действительно были раньше знакомы? В другой жизни? В другом мире?

«Ну вот, опять нагородил огород!» — одергивал я себя.

А еще у Женьки была стройная фигура и красивые ноги, которые она не прятала на институтских занятиях по физкультуре в бесформенные треники. Она всегда выходила в гимнастическом, темно-синем трико на зависть остальным девчонкам. Мужская часть группы, к счастью, уже переросла детское хихиканье и встречала появление Женьки восторженным молчанием.

Три года мне потребовалось, чтобы понять, что перевешивает: моя боязнь Женькиной открытости или тяга к ней. Закончилась летняя сессия, и перед производственной практикой было несколько свободных дней. Вот я и решился.

— Жень, подожди, — позвал я ее, когда остальная группа потянулась на выход из аудитории, где преподаватель рассказывал нам про будущую практику. — Давай в кино вместе сходим.

План у меня в черновом виде был: купить билеты на последний ряд, обнять девушку за плечо и все такое...

— Давай! — Женька с такой готовностью отреагировала на предложение, словно все эти три года только и ждала, когда я, вот так неожиданно, подойду и предложу сходить в кино. — А давай лучше по бульварам прогуляемся?! Погода такая отличная! А лучше давай на велосипедах?! Все бульварное кольцо! Начнем с Гоголевского, потом на Никитский...

Женька сыпала названиями, которые я, к своему стыду, слабо представлял. А мой план про последний ряд рушился на глазах.

Девушка, наверное, увидела эту растерянность и взяла меня за руку.

— Ну пожалуйста, Андрюша, — сказала она.

Теплая дрожь пробежалась по моей руке, добралась до сердца и заставила его биться сильнее.

— Конечно, Женечка, — ответил я и сам себе удивился. Не «Жень», не «Женька», не «Евгения Краснова», а именно Женечка получилось у меня. Просто и легко, словно мы действительно были давно знакомы, и у нас так было принято.

Только с велосипедом была засада. Его у меня не было. Пришлось идти на поклон к Черчиллю.

Когда я добрался до Кропоткинской и вышел наружу, к памятнику Энгельсу, Женька меня уже ждала.

— Привет!

— Привет!

Сразу возникла небольшая неловкость. Вроде бы лезть це-

ловаться рано, а пожимать руки было как-то банально. Но девушка сама разрешила ситуацию.

— Клевый у тебя велик, — сказала она.

— Не мой, — ответил я. — У Черчилля одолжил.

— А, — сказала Женька, словно была в курсе всех наших общежитских заморочек. — Ну что, погнали?

Мы перешли на Гоголевский бульвар и действительно погнали. У Женьки был дамский «Урал». Она шустро крутила педали, и передо мной мелькала лишь ее спина. Иногда она оборачивалась, ничего не говорила, просто удостоверялась, на месте ли я. При этом ничуть не теряла равновесия, ее велосипед продолжал ехать ровно, словно по незримой линии.

После Тверского проехали мимо кинотеатра «Россия», на который я посмотрел с тоской. Там, в глубине темного зала, на заднем ряду было бы так хорошо!

На Страстном, проезжая мимо нашего института, Женька остановилась.

— Давай забежим, — сказала она.

— Давай, — я и сам уже чувствовал потребность в удобствах.

После института, пока ждал Женьку, купил мороженого. Мы перешли Петровку и на очередном бульваре нашли лавочку, на которую присели отдохнуть. Ну чем не последний ряд в кинотеатре?! Я решился и обнял Женьку за плечо. Она взглянула на меня своими глазами, и мое сердце ухнуло куда-то вниз. Но продолжения не получилось. Какая-то

мамашка выбрала местом своей дислокации соседнюю скамейку, и ее двое малолетних пацанов крутились около нас. Причем эти «бандиты» с интересом посматривали на меня с Женькой и никуда уходить не собирались.

Девушка вздохнула.

— Поехали. Еще порядочно, и дождь сегодня обещали.

С неба действительно пару раз упало несколько капель, что было удивительно, так как ярко светило солнце, и туч на небе было совсем немного.

«Нет, не будет дождя», — подумал я.

Но Женька, как видно, рассудила по-другому и поднажала на педали.

Бульварное кольцо, конечно же, никаким кольцом не было. Приходилось то и дело слезать с велосипедов и переходить проезжие улицы. Оказавшись снова на очередном бульваре, мы какое-то время шли пешком. Но из-за этих велосипедов я не мог даже взять Женьку за руку. Оставалось только переглядываться. Девушка мне улыбалась, и у меня самого лицо расплывалось в такой же улыбке. Это легко, когда рядом тебе улыбается такой откровенный человек.

После памятника Грибоедову я немного воспрял духом. Пошли знакомые места. Рядом был Главпочтамт, куда я приходил за посылками из дома. Телефонный переговорный пункт и замечательный магазин чая и кофе, в который даже просто зайти подышать было приятно. Но Женька увлекла меня дальше по бульварам. А потом, по большому мосту,

названия которого я не знал, мы перебрались через Москву-реку. И тут случилось два события.

Я заметил, что переднее колесо Женькиного велосипеда немного болтается.

— Жень, постой, — крикнул я.

Гайки, которые крепили колесо по бокам, ослабли, и оно держалось только потому, что сверху его придавливала рама. К счастью, у Черчилля на велосипеде под рамой была небольшая кожаная сумка, в которой я нашел нужный гаечный ключ.

Но беда не приходит одна. Сверху, прямо из чистого неба, хлынул дождь. Мы спрятались с Женькой под ближайшие деревья. Больше укрыться было негде. «Закручу гайки и рванем к метро. Там под козырек спрячемся», — подумал я и посмотрел на Женьку.

На удивление, ни поломка, ни дождь не вызвали у нее никакого дискомфорта. Женька оперлась на раму своей кругленькой попой, ее майка уже немного намочла, отчего очертания тела стали еще больше привлекательными. А на лице была все та же улыбка.

И вдруг все стало по-другому. Я перестал беспокоиться из-за дождя и сердиться на Женьку, что она не проверила велосипед перед поездкой. Меня уже не раздражали бегущие мимо, спасающиеся от дождя, люди и с шумом проезжающие троллейбусы. Все это, наоборот, слилось в какую-то радостную картину мира, которую проявил этот теплый летний

дождь и осветило яркое солнце. В этой картине мне не хватало только одного. Все еще сжимая в руке гаечный ключ, я подошел к Женьке и сказал:

— Жень, я всю дорогу хотел тебя поцеловать. Можно?

— Можно, — сказала она.

Я ее неловко обнял, и из моей руки выпал гаечный ключ.

Про котиков

— Ты не видел моего кота? — спросила она.

Он сидел за компьютером, на экране которого, повинуюсь его мыслям, выстраивались длинные строки кодов. Услышав про кота, он посмотрел на вошедшую в комнату молодую женщину.

«Почему она продолжает спрашивать меня про своего кота? — подумал он. — После шестого числа приедет „Грузовичкофф“ и развезет нас в разные стороны. Чем ближе эта дата, тем настойчивей она спрашивает меня про своего кота. Мне кажется или это действительно так?»

Что это? Желание проверить, все ли ее вещи на месте? Глупо. Кот игнорирует меня, я игнорирую кота. Получается, что мы живем с ним в разных непересекающихся вселенных, и уже только поэтому я не могу знать, где ее кот.

Или это попытка начать скандал? Чтобы я, неудачник и терпила, запомнил это расставание до конца своей жизни.

А может быть, это робкая попытка наладить отношения? Ну не может ее гордость позволить прямо сказать: «Давай все исправим. Пусть все будет, как прежде». Если это так, то тогда понятно, почему эти вопросы участились по мере приближения «Грузовичкофф». Времени остается все меньше и меньше.

Блин, ну конечно! Вот я — кретин! Она была права, когда говорила, что я все неправильно понимаю, что до меня все слишком долго доходит. Сколько раз она меня уже спрашивала про своего кота?! Ведь это все были ее попытки пойти на сближение, а я только отмалчивался. Я же мужчина, в конце концов! Я должен быть решительным и не бояться протянуть руку на этот замаскированный призыв.

Он встал, подошел к молодой женщине и попытался ее обнять.

— Что ты делаешь! — возмутилась молодая женщина, уклоняясь от его рук. — Ты всегда меня не понимал. Я просто спросила, где мой кот.

А ведь когда-то кота не было!

— Ты не видел моего кота? — спросила она.

Он сидел за компьютером, на экране которого, повинаясь его мыслям, выстраивались длинные строки кодов. Услышав про кота, он посмотрел на вошедшую в комнату молодую женщину.

«Кота не видел, но зато вижу очень симпатичную молодую женщину. Как это у нее получается? Минуту назад она шу-

рвала ножами и поварешками на кухне, и к ней было страшно подойти. Но минута прошла — и я вижу совсем другую женщину. Те же черты лица, те же формы. Но улыбка на ее лице все меняет. Эта улыбка заставляет меня душою и телом тянуться к ней. Ох ты! Это же беззастенчивая манипуляция слабым мужским полом! Ну и хрен с ним! Пусть манипулирует!»

Он оставил в покое свои строчки кодов, подошел к молодой женщине и обнял ее.

— Ммм, мой котик нашелся, — обвивая его шею руками, сказала она.

И он, и она знали, что других котиков в их доме не было.

А вдруг?!

Иду по пешеходной улице. Зимний вечер. Ветер гонит в лицо снежинки. Дома, прохожих, машин — почти не разглядеть. Но это хорошо. Так мечтается лучше. Я по дороге рассказы пишу. По дороге намечтал, дома записал. Сегодня как раз в голову пришел последний, пятидесятый. Дома сяду за компьютер и вобью. И никакая бумажка в столе мне не помешает это сделать.

И будет у меня своя книжка в серо-голубом переплете, пятьдесят рассказов, триста страниц. Все как в том сборнике, куда год назад попал мой рассказ. Экземпляр я заказал

себе. А кто-то заботливый вложил в него листок. «Грамотно, но мертво. Скучно. Слабенько, Коля, слабенько». От воспоминаний про листок и слова на нем повеяло холодом — куда там настоящему ветру и снегу до него. Захотелось тепла.

А тут, как раз, книжный проходил. Книжный магазин — это не просто здание. Книжный, он, знаете, навевает. И навеял.

«А вдруг, — думаю. — Там моя книжка уже продается?»

Нет, вы не подумайте неправильно. Ни с каким издательством я не связывался и даже об этом не думал. Последний рассказ только что в голову пришел. Какое издательство?! Просто, а вдруг? Вдруг так сложились звезды, кто-то упал с дуба, восхитился, собрал мои рассказы, рассказыки и миниатюры и издал книгу. А я ничего не знаю.

Скажите, что такое маловероятно? Соглашусь. Но вот жизнь на Земле все же зародилась. И тоже шансы были малы. Так почему бы и моей книжке не появиться?

Зашел в магазин. Хороший такой. Полки книгами заставлены. И тепло. Я бы сюда работать пошел. На зиму.

Прошелся по стеллажам. Ничего не нашел. Заметил продавщицу, старую перечницу.

— Скажите, — говорю. — А у вас нет в продаже книги Николая Семенова?

— А про что он пишет? — спрашивает перечница и как-то хитро на меня смотрит. Чего это она?

— Рассказы у него, — говорю. — Рассказыки и миниатюры.

тюрки.

— А эротика у него есть? — неожиданно спрашивает продавщица.

Пришлось задуматься. Что это? Подсказка на тему будущих рассказов? Но ответил как есть.

— Нет, эротики у меня, то есть у этого автора, нет.

— Ладно, — перечница идет к компьютеру. — Николай Семенов, говорите?

Она что-то, невидимое мне, набивает в компьютере.

А что набивать там? Если есть книжка, то только из новых поступлений. Должна знать! Эх, нет нигде профессионализма!

— Есть такой, — говорит продавщица. — Все, как вы сказали: «Рассказы, рассказыки и миниатюрки». Сейчас принесу.

И тут меня пот прошиб. Надеялся, но все же не ожидал я такого. Вот оно, как жизнь зарождается!

Перечница ушла в подсобку. Не было ее минут пятнадцать. И картинка нарисовалась сама собой. Подсобка. Одинокая лампочка под потолком. Стопки книг на растрескавшемся линолеуме, перехваченные шпагатом. Рядом — темное пятно, лужица. Обложка нижней книжки разбухла, поползла пузырями. К стопке примотан скотчем листок: «Вера, эти — в макулатуру. Понедельник. Пусть Семен погрузит». Продавщица, кряхтя, наклоняется, тянет именно ту, нижнюю, с мокрым пятном на обложке. С моим именем.

Картинка была настолько явственной, что захотелось развернуться и быстро уйти из магазина. Не успел. Вернулась продавщица. Прижимает к груди толстенькую книжку в суперобложке, выполненную в минималистских тонах. Впрочем, я сам так люблю. Откуда узнали только?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.